
Теодор ГАЛЬПЕРИН

НИНА

Рассказ

В платье тревожно-старинного кроя,
Множась, скользну в зеркала —
Тысячью женщин, любимых тобою,
Кану в пространство стекла...

Нина Тарасова

Последний зимний апрельский холодок; но уже весенне пробуждается, взламывая хрупкий лед и лаская чопорный гранит, самодержавная Нева; петербургское солнце, юное и совсем неутомленное, прогревает продрогшие влажной зимой косточки Северной Венеции. У Петропавловки еще чистый промытый песок, и первые загоральщики уже выстраиваются вдоль крепостной стены, черпая из бесплатной небесной кладовой солнечный витамин; вода с легким плюсом, но есть и купальщики.

Наступили светлые вечера, и парус Белой ночи уже совсем близко, и красуется мачтой золотой шпиль Петропавловки. Такой необыкновенный, еще не запечатленный на холсте, вечерний вид Петербурга открывается из обращенных на Дворцовую набережную окон Дворца великого князя Владимира Александровича, а после Великой Октябрьской — Дома ученых Российской академии наук.

Когда мы выходили из дворца на набережную, Нина, взглянув на мачту-шпиль, сказала:

— Может быть, споем у Петропавловки, что-нибудь соберем?

— Как? Шляпу на песок бросить? — спросил я.

В Дом ученых я и привел впервые Нину. Здесь уже обитал не только как относительно молодой ученый, но и как член ЛИТО, где наставником и добрым учителем искусства поэзии был поэт-шестидесятник Лев Мочалов (Лев Всеволодович служил еще научным сотрудником в Русском музее).

Свои стихи напевал я под гитару, пел их дуэтом с Ниной; она исполняла свои музыкальные композиции на стихи поэтов Серебряного века; порой нас приглашали выступить в концертах Дома ученых.

— Шляпу на песок бросить? — растерянно повторил вопрос. — Как-то не солидно для ученого.

Она с мягкой улыбкой:

— Еще не забыли, что вы ученый?

— Нет, еще не забыл, так и работаю без зарплаты, а значит, по социальному статусу — нищий.

Теодор Борисович Гальперин родился в 1937 году, инженер-физик, кандидат технических наук, специалист в области авиационного приборостроения. Заслуженный изобретатель РФ. Петербургский поэт, автор-исполнитель песен на свои стихи, автор рассказов и многочисленных публикаций в российских литературных и научных изданиях. Живет в Санкт-Петербурге.

НЕВА 12'2022

* * *

Мы встретились с Ниной в это безденежное, безработное время очередной российской депрессии в 90-х. Россия в этой категории Великих депрессий, так же как и в области балета, — «впереди планеты всей».

Нина окончила Горный институт, где почитаемым профессором служил ее отец, работала в одном из горно-геологических НИИ. Я занимался авионикой в соответствующем НИИ. Был я старше Нины на двадцать лет. Оба наши НИИ благополучно сдулись в эту эпоху — зарплаты закончились, но в отличие от горно-геологической области авиационные предприятия как-то держались на плаву, не обращая внимания на тонущих сотрудников, — деньги выдавали с задержкой на месяцы, когда инфляция уже зверствовала не по месяцам, а по дням.

Нина пристроилась на книжную торговлю. Простаивала с достоинством часы на улице за выставленным столиком с книгами, но подборку, конечно ходовых и совсем не сочетающихся с ее внутренним светом книг, совершал мелкий шеф-предприниматель; доход зависел от продаж, а рекламировать врученные ей детективы и женские романы было тягостно, поэтому хватало только на хлеб, иногда с маслом. Отец Юрий Дмитриевич, профессор, также в эти годы оказавшийся среди нищих интеллигентов, активно занялся дачным огородом, выращивал картошку и еще то, что взойдет и дойдет. Только частью урожая и мог поддержать дочь.

Но вскоре для Нины закончился и хлеб с маслом, и просто хлеб — остались только картошка и еще то, что взойдет и дойдет.

Мелкий шеф-предприниматель пустился на домогательства, обещая блага, если она проявит к нему женское участие.

Нина кратко и жестко ответила:

— Это не по моей части!

Еще в школе у нее обозначилось удивительно красивое, задушевное сопрано, излучающее в Мир Свет и Тепло. Обучилась гитарному аккомпанементу и уже в институте под гитару напевала стихи поэтов Серебряного века. Обнаружился композиторский дар: песни были проникновенными, волнующими, с трагической ноткой: «И слишком мы стары — для этого вальса и для этой гитары». Эти строки в исполнении молодой женщины пророчили, казалось, судьбу.

Так в море безденежья барахтались Нина и я, там встретились и, чтобы не утонуть, протянули друг другу руки помощи.

К этому времени мной сочинился десяток песен о Петербурге, ряд песен о пушкинской эпохе, они уже звучали по радио; появлялись предложения выступлений в концертах. В очередной юбилей поэта директор музея-квартиры на Мойке, двенадцать Сергей Некрасов пригласил меня выступить в концертном зале музея.

Я опоздал к началу; после моего выступления с песней о пушкинском Петербурге присел с краю во втором ряду, в боковом месте у прохода увидел девушку, обнимающую гитару. Внешность будничная: питерская бледность, челка, прикрывающая с левой стороны часть лица.

— Вы еще будете петь? — спросил.

— Я уже выступила, — ответила голосом, который нельзя было не запомнить.

Мой голос начинающего барда к этому времени еще не оформился, был скорее разговорным, без вокала. Я мечтал о женщине, которая поет и которая согласится петь со мной дуэтом.

Наступил антракт.

- А вы что пели? — спросил.
- Стихи Александра Сергеевича.
- Могли бы вторым голосом? — Я запел мой «Летний сад зимой». Она подхватила, подпела, песня приобрела новое звучание.
- Может быть, составим с вами дуэт? — Я выступаю в основном бесплатно, но иногда что-то капает.

Так образовался наш дуэт.

Песни Нины не проросли еще до серьезной известности; она показывала свое творчество на небольших литературных и научных посиделках, куда почти за ручку водила ее литератор Галина Дюмонд, к тому же ученый секретарь института, где Нина раньше работала. Галина была умной, энергичной, вхожей во многие важные литературные и научные двери, но такие посиделки не давали ничего денежного.

И вот появилась возможность расширить круг наших песнопений, да с небольшой оплатой. Подхватила меня акционерка, возникшая при акимовском Театре комедии, через нее появилась возможность перечисления оплаты концертов. Мы превратились в областных гастролеров, устраивающих скромный «чес» по пригородным санаториям и домам отдыха. Концерты наши проводились при полной демократии в коллективе дуэта: каждый по семь песен — соло, семь — дуэтом. Нина показывала песни на стихи поэтов Серебряного века, вместе исполняли мои песни о городе; соло я уже пел и романсы, и озорные бардовские, и, конечно, снова и снова о городе, где «можно и в горе прожить».

* * *

Когда поешь дуэтом — он и она, — две души как две планеты, летящие по собственным орбитам, пересекаются траекториями и совершают полет по одной — общей — траектории; возникает необыкновенная душевная близость, любовь, понимание. Когда песня заканчивается, траектории расходятся, и души поющих вновь возвращаются на свои орбиты... Но порой так и остаются на общей орбите на долгое время или навсегда.

Мы пели с Ниной дуэтом, и души тесно соприкасались в любви к музыке слова, в любви к великому и сакральному, суровому и радостному городу, имя которому — Санкт-Петербург. Городу, где солнечные темы итальянцев озвучены российской душой, где музыкой звучат строгие поэмы его дворцов и парков, где поднимают к высьте негасимый норов шпилей, небесная доброта куполов, мелодии Белой ночи...

Наверное, мы остались в уже поредевшем племени российских романтиков. Дуэт наш звучал и радостнее, и взволнованнее на сценах дворцов, где нас привечали. Казалось, сквозь века очаровывают отзвуки петербургских балов — флейты, скрипки, виолончели, — восхищают грациозность менуэта, изящество полонеза, блеск мазурки... Дворцы открывали нам кулисы — Аничков, Шереметевский, Юсуповский. Но главной и постоянной сценой был дворец с видом на Неву — Дворец великого князя Владимира Александровича, Дом ученых; хотелось бы мне именовать его Дворец ученых.

Перед выступлениями репетировали в одной из аудиторий третьего этажа, любили ту, что выходила окнами на Неву — с видом на Петропавловку и Стрелку Васильевского острова. Фантастические картины белой ночи в мае, пылающего заката в сентябре, а в темное предзимье в ночном освещении — штриховой абрис города, намеченный летящими поочередно дождем и снегом. В кратких передышках в репетициях мы говорили... о чем — долго рассказывать, но как-то Нина спросила:

- Вы не склонны к отъезду? Время противное, голодное, крысы фашистские по-вылезали, отвлекая народ русский от истины.

Я, взглядываясь в панораму вечерней набережной, ответил:

— Ниночка, это же «мой дом — Россия с видом на Неву»¹, наш Дворец с видом на Неву. Надеюсь, дождемся умного короля — подбросит яду в норки.

Она запела мандельштамовское: «Над желтизной правительственных зданий...»

Дворец ученых стал нашим домом на много лет.

* * *

Пути вели — два-три раза в месяц — в исторические пригороды: Петродворец, Сестрорецк, Зеленогорск. До таких сцен предстояло долго добираться — авто у нас не было; метро — электричка — автобус. На дорогу с концертом уходил весь день, зимой — в почти неоттапливаемых вагонах электричек.

Выдался морозный январь, за окном — двадцать пять, отменить концерт невозможно: афиши вывешены, да и больше не пригласят. Прихватил в мой рюкзачок термос с чаем, его выпили еще в холодном вагоне. В зале — не более двух-трех градусов; зрители — в зимних пальто и шубах. Мы с Ниной выходим на сцену в концертных нарядах: Нина в платье с легким декольте, я — в костюме да при галстукке. А за кулисами — она в шубе, я — в не очень теплой зимней куртке. Перед выходом набрасывала шубу мне на плечи, когда возвращалась, я совершал обратное действие. Когда выходили в дуэте, согревались общей энергетикой. В небольшом антракте сердобольный парень занес за кулисы поллитровку «Столичной» и стакан, предложил согреться. Нина отказалась — переносила только сухое, я выпил полстакана — боялся забыть слова. Попросил сердобольного наполнить термос, к окончанию концерта он просьбу исполнил.

Нас провожали усиленно громкими, добрыми и долгими аплодисментами, согревающими артистов и зрителей.

А мороз к вечеру закрепчал, и вновь — автобус, электричка, потом ледяной вагон. Нина с головой уткнулась в шубу, выдавая иногда тихие позывные: «Жива, жива!» Наконец — теплое метро. Она, побледневшая, прижалась к поручню, съежилась. Старался ее подбодрить: «Хочешь, детка, сказочку расскажу!» Улыбалась тихо и благодарно.

На пересадочной станции мы расстались — Нина спешила в свою холодную однокомнатную квартиру с продуваемыми, тогда еще деревянными, оконными рамами; она жила там в одиночестве; я направлялся в мой теплый дом, где меня ждали жена и сын.

Нина все же после этого концерта заболела. Не сильна была здоровьем: зимой простужалась, весной мучилась аллергией. Летом нас редко приглашали, сцена отдавалась профи-артистам, на выступления которых продавались дорогие билеты; гастроли наши почти прекратились.

Для нас осталось любимое и незабываемое — дворцы и площади Петербурга.

И вот — день трехсотлетия Санкт-Петербурга, 27 мая 2003 года. Грандиозный концерт на площади Искусств, устроенный театром «Балтийский дом». Пройдя предварительное прослушивание в театре с моими петербургскими песнями, мы с Ниной — участники этого события. Между филармонией и летящим памятником Александру Сергеевичу сооружена крытая эстрада, но погода, видно, тоже отмечала юбилей и выдалась прекрасная: день был солнечный, теплый. Я ждал Нину на скамейке у памятника. Подошла бледная, как-то пошатываясь; на лице проступали пятна; присела рядом:

— Я не могу петь, плохо себя чувствую. Пойте один.

— Ниночка, но это же исторический день! А за наше выступление — всего пятнадцать минут — заплатят как за три загородных концерта. Соберись!

¹ Н. Гранцева. Мой дом — Россия с видом на Неву. Л.: Лениздат, 1979.

Нина собралась: достала косметичку — напудрилась, подкрасилась. Подошло наше время, и мы вышли на сцену.

Песни мои звучали в дуэте, взлетая над площадью; казалось, усиливались аурой архитектуры города и в ней растворялись в общей гармонии. Собравшиеся на площади горожане и гости аплодировали энергично и с любовью. Мы все были счастливы в этот день.

После выступления энергетика вновь покинула ее: ослабела, присела на скамейку с легкой одышкой. Я бы хотел дослушать концерт, но Нина решила уходить. Мне, конечно, надо было провожать — спустились в метро, предложил проводить до дома (жила она недалеко — метро, троллейбус).

— Спасибо, доберусь!

— Приедешь, позвони!

Позвонила:

— Жива, это мое типичное состояние в ответ на майское благоухание природы.

Позвонила подруга жены, тоже Нина:

— Я была на концерте, вы с Ниной здорово выступили. Молодцы! А вообще, ты в Ниночку влюблен...

* * *

Задумался: влюблен ли я в Ниночку?

Когда впервые увидел ее, она вовсе не привлекла внешностью. Когда впервые услышал, в душе дрогнуло. Конечно, если пели дуэтом лирику, я перевоплощался во влюбленного. Но голос Нины своей трагической мелодичностью, исходящий из самой глубины души ее, волновал и дальше, все звучал и звучал во мне. Этот голос, казалось, поднимает над житейским, уносит в поднебесье. Да, я был влюблен в Ниночку. Но как?

Как можно влюбиться в икону:

Я ваш портрет, как икону, возвышу в углу.
Вместо лампы — поэзии книжный росток.
И позабуду обиды, молву и хулу, —
благо что есть у безбожника свой образок.

И она сходит ко мне с иконы, и мы кружимся в этом вальсе фантазий:

Что нам пророчит прозрачный, просвеченный вальс?
Исповедь это, молитва иль что-то еще?..
Ах, разрешите, я вас поцелую в плечо...
Все остальное, о право, так мелко для вас.

Когда увидел ее графические черно-белые рисунки — изящество линий, загадочность сюжета... и неизменно трагический настрой, — возник стихотворный образ художницы:

И опаленно машет ветками
ваш недоступный нервный мир...
Но губы сжав, откинув волосы,
вновь над мольбертом не дыша,

И разделяет жизнь на полосы
тяжелый след карандаша.

Да, в первые годы нашего знакомства Нина не удивляла, не восхищала своей внешностью. Красота ее была — в природной интеллигентности, чувстве такта, порядочности. Потом, потом... Одухотворенность, творчество на «разрыв аорты», одиночество вывели ее в красавицы.

* * *

Во второй половине 90-х голодные годы в моем авиационном стали более хлебными, вновь возродился интерес к авионике — взлет, посадка... Нина уже не собиралась возвращаться в горную инженерию, начался ее творческий взлет в искусстве.

Началось с композиций на поэтов Серебряного века, графики, но вскоре — собственная поэзия, музыка на свои стихи, талант ведения детской изостудии, не имея при этом никакого художественного образования. Наши до этого тесные пути уже только пересекались для совместного творчества...

И все же, и все же! Между мной и Ниночкой (вскоре после первой встречи я ее иначе не называл) существовала какая-то невидимая телепатическая, голографическая связь — я понимал ее с полуслова, с полувзгляда, по румянцу на лице. Она была ранима — не могла скрывать застенчивость и обиды, — носик ее обострялся, на лице проступала розовая краска. А когда пела, ее шейные позвонки передвигались сверху вниз и обратно, словно невидимый, неземной музыкант играет на небесном инструменте:

Ранима, словно флейта, и каждый позвонок,
как музыкальный клапан, мелодии помог...

При этих строчках из очередного моего посвящения Нине она склонила голову, и я понял: образ точен. По этим еле улавливаемым настроениям я предполагал моменты ее личной биографии. Порой она была откровенна со мной так, как ни с одной из подруг. В дальнейшей жизни эта неземная, космическая связь между нами проявится в полной мере.

Нина относилась ко мне и дальше как — по ее словам — к соавтору «по совместным песнопениям». Подарила мне книжку прозы Галины Дюмонд, где впервые выступила художником. Открыв книгу и увидев отсутствие надписи, сказал командно:

— Надпиши!

Она вывела слова: «Любимому соавтору...» Задумалась.

Пришлось продиктовать: «...от не менее любимой певицы, художницы...»

Дальше добавила от себя: «и т. п. и т. д.».

К этому времени при участии Нины я впервые осуществил студийную запись моих песен. Компьютеры в России еще не появились, записывали на аналоговый магнитофон.

Впервые помог, аранжируя своей гитарой, Сергей Ильин, гитарист-композитор, председатель городского клуба гитаристов. Случайные знакомства порой оказываются судьбоносными. Сергей, с которым я так же, как и с Ниной, познакомился случайно, стал моим добрым гением в аранжировках, оркестровках, исполнениях моих песен, автором вариантов собственной музыки на мои стихи. Таланты его с годами нарастают, и он донныне одаривает меня записью и аранжировкой моих песен, добрыми советами в музыке и стихе. Эта творческая дружба распространилась и на Нину. «На троих» выпускали диски моих песен, выступали в одних концертах...

А Нина — уже с большими успехами со своей изостудией: рисунки ее юных учеников получают первые места на общегородских конкурсах. Изостудия эта при клубе «Прометей», им руководит Елена Хомская. И новое судьбоносное пересечение. Лена — гитаристка, училась в том же музыкальном училище, что и Сергей. И новый дуэт: Нина Тарасова — Елена Хомская. Две гитары, два голоса, вокал Нины — ведущий, песни Нины.

* * *

Гнездо поэтов Серебряного века — кафе «Бродячая собака», здесь собирались и выступали Анна Ахматова, и Гумилев, и Мандельштам, и Маяковский... К этой поэтической Мекке стремились паломники из современных поэтических гениев, оставляя на стенах свои автографы...

Серебряный век — время любовной новой полноценной лирики, но и время... распущенных нравов. Нина, воспринимая и воспевая эту лирику в своих композициях, отличалась почти несовременным целомудрием, застенчивостью. Дуэт Нина—Лена стал постоянным в программах кафе — по два концерта в месяц.

А Нина — все выше и выше по карьерной лестнице искусства. И рядом, помогая и обеспечивая тылы, шла Лена. Обладая, в отличие от Нины, способностями организатора, Елена Хомская стала директором этого небольшого театра на двоих — по имени «Серебряный век»; Ниночка могла теперь заниматься только творчеством.

Наши песнопения с Ниной продолжались уже не с той интенсивностью, но весомо. В первых дисках моих песен — «Свиданье Невского с Невою», «Романса петербургского строка...» — Нина в дуэте со мной исполнила шесть песен и две мои музыки переписала на свой лад — нервный, волнующий. Затем новый диск моего петербургского цикла «Санкт-Петербург, моя столица...» с участием дуэта Нина—Лена.

Но по петербургским радиоканалам звучат все же мои записи с Ниной — на фоне моего мужского безвокала отчетливо выделяется ее голос, выразительные подголоски. Мой романс «Под музыку дождя» — визитная карточка наших совместных выступлений — Нина обволакивает своим подголоском, повторяющим за мной текст, удлинняя строку только ее значимой частью:

Музыка дождя, музыка дождя — музыка любви.
Не перебивай, не перебивай речами.
Повторяй за мной, повторяй музыку любви,
расправляя крылья за плечами.

Сергей назвал эту музыку лучшей моей мелодией, а подголосок Нины применил в собственном варианте исполнения под симфооркестр в дуэте с Катей Анцевой. И подголосок этот звучит во мне до сих пор.

Сборники моих песен, регулярно выпускаемые в издательстве «Композитор», открываются неизменно увертюрой — обложкой художника Нины Тарасовой, далее графическая тема развивается на титульных страницах главок и заканчивается аккордом в окончаниях главок. Графика сразу обращала внимание к изданию; может быть, кто-то и покупал его ради рисунков. Мне никогда не удавалось оплатить это творчество — всегда отказывалась.

Дуэт наш стал победителем на конкурсе романса под эгидой Рубины Калантарян: моя «Петербургская осень» прошла на первое место в номинации авторская песня. Выступили в гала-концерте, а до этого в этот же день Нина со своей изостудией победила на конкурсе детского рисунка.

Ее творческая жизнь, непрерывная и напряженная, поднимала ее над нами все выше.

Незаурядный дар ее — детские стихи... и для взрослых. И Нина подарила русскому миру несколько таких книжек, украшенных ее графикой или акварелями в цвете тонко, с ослепительным юмором, звучно и умно!

А впереди — выдающийся выплеск в авторской песне с романсом «Вальс в зеркалах». Романс получил диплом на конкурсе имени Андрея Петрова. Я пришел на гала-концерт в Театре музыкальной комедии, прослушал все песни, — безусловно Нина была достойна лауреатского места среди первых трех, но не случилось. Я огорчился, подошел к Ниночке сразу после авторских поклонов на сцене (исполняли песни вокалистки-профи, причем известные). На лице ее отпечатались грусть и сожаление. Вручил поздравительный букет, сообщил свое мнение в успокоительном жанре, и она успокоилась и сказала:

— И все же это победа.

Да, большая победа Нины Тарасовой. Дальше — триумфальное шествие «Вальса в зеркалах» по концертным площадкам, включение песни в «Антологию романса XXI века», концерт в Кремлевском дворце.

* * *

Шедевры в искусстве не рождаются мгновенно. Они — судьба, опыт предшествующей жизни. Я рискну предположить, как это случилось...

В ауре Дворца ученых с его многочисленными зеркалами, начиная с парадных сени и дальше парадной мраморной лестницей, Малиновой гостиной и, наконец, танцевального Белого зала, и привиделся Нине вальс в зеркалах...

Ах, этот бал: к подъезду подъезжают кареты, и красавицы в ослепительных нарядах, в платьях «тревожно-старинного кроя», с непокрытыми головами, в легких бальных туфельках (даже зимой) выпархивают во дворец, а в зеркалах множатся их отражения... Нина — одна из красавиц, и она проникает в пространство зеркала и кружит свой вальс в зеркалах столетий, надеясь встретить своего суженого... И встречает, и «судьбы вновь неразделимы»... Вальс в зеркалах, вальс в зеркалах — «смятенье взглядов, рук смятенье...».

Это мечта, видение...

Что же Нина видит в своем Зазеркалье? Много лет она одинока, поет страдальческие тексты Серебряного века. По некоторым неуловимым намекам я предполагаю: первая ее юношеская, еще студенческая любовь не удалась. С тех пор страдание отразилось, как в зеркале, на лирике и музыке; одиночество — ее аура. Но такой божеественно талантливой душе не встретить равной, понимающей... Может быть, там, в Зазеркалье, она представляет себя счастливой женой, у нее дети, мальчик и девочка...

Но пока у нее детская изостудия, и к юным художникам она относится с материнской любовью...

А детская поэзия... для взрослых! Даже по одним названиям можно определить талант: «Из записок сумасшедшей мухи», «Дама из Амстердама». Когда читаешь, лучше вслух, восхищают сюжеты, музыкальность, женственность, ум, в котором отпечатались инженерное образование, и, конечно, остроумие, и, конечно, понимание детской психологии. Но у нее же нет детей, откуда понимание сущности, настроения детского. А дело, видите ли, в самой поэтессе: сохранились в ней черты детства, наивность, неумение устраивать жизнь по-взрослому.

И вот — для мухи «жжжжизнь полна сюрпризов, если смотришь сверху вниз и сидишь на потолке»: соседи приделали люстру к полу и топчут «вверх ногами, что у них вообще с мозззгами?!» А дама из Амстердама проглотила аршин. «Зато! Полю-

буйтесь теперь на осанку! И мода пошла по всему Амстердаму: хватило б аршинов — на каждую даму!» Это немного о себе, ирония над собой во всех текстах о даме; для взрослых — намек, а для детей — забавно.

Дальше — все выше. Сочинила песни для спектакля «Карлсон» в театре «Комедианты», и Карлсон так и летает над крышами, напевая тихо или громко, но наверняка с любовью к сочинителю.

* * *

Да, такому искрометному таланту почти невозможно найти родственную душу. Вальс в зеркалах — наваждение, мечта... И все же суженый явился, не в зеркалах, а наяву. Быть может, он увидел или услышал ее в этом вальсе — в Интернете или по телерадио...

Он — русский, работающий во Франции в горной промышленности; старше Нины на пять лет, окончивший ранее тот же Горный институт, что и Нина, но там они не повстречались, не познакомились. Назовем его N; по своему желанию он предпочитает отойти в тень, остаться Энигмой. Они жили в разных странах, встречались три-четыре раза в год во время длинных праздников-каникул; Нина улетала к своему «французу», иногда N прилетал по делам служебным, но междугородный телефон — почти каждый день.

Когда случился коронавирус — полеты прекратились, остался только телефон.

Нина в эти годы своего позднего, последнего, счастливого романа светилась счастьем. Приобрело мажорную окраску и творчество, авторские песни. Париж оживал в ее песне как приношение Франции, послание любимому.

Трудно судить, предполагать: что если бы они решились на совместное проживание под одной крышей, сохранилась бы любовь надолго, навсегда? Петербург был единственной страной обитания Нины, где могли сохраняться и высвечиваться ее необыкновенные таланты, а Франция для N — место успешного приложения своих инженерных и предпринимательских способностей. Пока оставим эту тему.

* * *

Внезапно по радостной радуге времени прошла черная полоса беды. В родительской семье Нины воспитывались две дочери — еще Таня, на тринадцать лет моложе Нины: благонравные папа и мама выразились на дочерях противоположно: Таня, яркая красавица, пошла в разгул, в наркотики, связалась с неким предпринимателем с юга, родила сына с повышенной нервной возбудимостью, сама лечилась в наркобольнице. Сына приютила на воспитание южная семья отца, проживающая в Питере. Распутная доченька так и жила в родительской квартире с Юрием Дмитриевичем. Однажды, выйдя из больницы, Таня в припадке белой горячки включила газ и сожгла себя и квартиру. Отцу выделил комнату в общежитии родной Горный институт; на плечи Нины и на ее весьма невесомый кошелек легла проблема ремонта. И Нина с достоинством одиноко и гордо решала проблему. Я старался хоть чем-то помочь; в пожаре сгорела и вся зимняя одежда отца; у меня была натуральная меховая болгарская дубленка, тесноватая при одевании на пиджак, а для торжественных случаев при полном параде существовала искусственная кожанка на искусственном меху. Я отдал дубленку Юрию Дмитриевичу, и он благодарно носил ее много лет. Денежное пособие от меня, даже займы, Нина принимать отказывалась; старался помогать в распространении ее книжек.

Летом 2015-го ушла по небесному пути моя жена, моя Галочка, мой ангел-хранитель более полувека. Проститься на Смоленское пришли многие из обитателей Двор-

ца ученых (к этому времени там возник клуб авторской песни, и Галину Борисовну хорошо знали); пришел Сергей (Галочка его обожала и при наших музыкальных спорах почти всегда принимала его сторону: «Слушайся Ильина!»).

Прибежала и Нина, она была на высоких каблуках.

— Спасибо, что пришла, — только и смог я вымолвить и склонил голову на ее грудь, как ребенок, рыдающий на груди матери. Так и стояли, ее дыхание помогало переживать беду.

— Ну как я могла не прийти?..

— Спасибо, Ниночка! Я не забываю святые порывы души.

* * *

Я повторил ей эти слова, когда мы увиделись в Музее современного искусства «Эрарта» на концерте Сергея Ильина и Кати Анцевой. Не мог предположить, что мы видимся с Ниной в последний раз.

Катя, как всегда в моднейшем наряде, — сразу за белый рояль, спела мои стихи на свою музыку. Мне отвели место у прохода во втором ряду. Вручив Кате букет, оглянулся — и увидел в дальнем ряду Нину; приветственно помахал рукой, она еще продолжала аплодировать. Радостно встретились в антракте; Ниночка вручила мне свою новинку — книжку «Дама из Амстердама»; проговорили весь антракт, вспоминая наши годы странствий по концертным площадкам. После концерта предстояло третье отделение — фуршет, туда был допуск по контрамаркам, выдаваемым Георгием Анцевым, супругом Кати. Добыл у него еще одну контрамарку. Нина отказалась: нет, ее лично не пригласили, гордость! Отговорилась:

— Уже поздно, вы же знаете — мне долго добираться, — вручила мне номерок. Я подал пальто, она нацепила давно мне знакомую кожаную шляпку (не очень, мне казалось, для нее), бережно поцеловал в щечку,... и все — больше мы никогда не увиделись.

В январе 2020-го Нина заболела бронхитом, но все же выступала в «Бродячей собаке», продуло — и воспаление легких. Я всегда как-то чувствовал ее неблагополучие. Позвонил, узнал, переслал свой еще не напечатанный рассказ (что никогда не делаю) «Тогда в Иерусалиме», научно-философско-религиозный рассказ о моей борьбе за собственное здоровье и о воскресении Спасителя.

— Ниночка, — кричал я в трубку, — борись самовнушением, силой душевной!

— Да, я читаю, спасибо, — отвечала сквозь кашель.

* * *

Приснился страшный сон, проснулся в каком-то затуманенном состоянии, приснилось — Нина умерла, хороним...Что за чушь? Звоню по мобильнику, по городскому — безответно. Связался с Леной.

— Где Нина?

— Мы не говорим никому, но вам скажу. Только сохраняйте тайну. Нина — в больнице на Песочной.

— Что там?

— Мозг, была операция. Сейчас — химия, облучение. Квартуемся вблизи больницы. Вы звоните; сразу не отвечает, но потом перезванивает.

Нина перезвонила. Голос далекий, слабый.

— Ниночка, это Теодор.

— Да, да...

— Ты поправляйся, включай волю. Помнишь «Тогда в Иерусалиме»?

— Да, да...

— Обязательно поправишься!

Так отвечала, но уже недолго. Потом перестала отвечать.

Она уходила в мучениях. И никак нельзя было помочь...

Отпевали в Никольском соборе. Отпевали в масках, в собор впускали только так. Из Франции прибыл Н. Организовал все достойно. Впервые увидел его — симпатичный, высокий. Подошел к нему, поклонился:

— Я — Теодор.

— Я сразу понял. Нина много рассказывала. Спасибо, что пришли.

— Как же я мог не прийти! Тридцать пять лет дружбы — творческой, вдохновенной.

Нет, я не пришел — приполз; в это время у меня открылась язва, приполз, несмотря на постоянные боли, советы врачей...

Лена по телефону сообщила: «Мы одели Нину в концертное платье».

Когда подошел к гробу, — тут же отпрянул, прикусил губы, чтобы не закричать. Там было концертное платье — не было Нины, виделось что-то незнакомое, кукольное... Вирус преградил для всех вход в крематорий, а на поминки здоровья и сил моих не осталось.

* * *

Каждое утро подхожу к своему письменному столу. На стене — портрет улыбающейся Галочки, графика Нины в паспарту и белых рамках. Так Нина одаривала меня в разные мои юбилеи. На одном рисунке — Банковский мостик с двумя грифонами, а за ними под облаками в штрихово-точечной манере женский портрет, похоже — автопортрет.

Я спросил однажды, когда Нина была у меня:

— Это ты?

— Да-а, — протянула, розовея, как и обычно, выдавая смущение.

Переживший Ниночку, старше ее на двадцать лет, я еще хожу нашими тропами. Вхожу во Дворец ученых, в Малиновую гостиную, в ауре которой все звучит для меня ее голос, и я отвечаю строчками моего «Петербургского бала»:

А в гостиной в седых зеркалах
под романса негромкое пенье
отражается ваше волненье —
с неразгаданной тайной в глазах...

С годами боль утраты светлеет, переплетается с фрагментами памяти, где тепло и улыбка...

Мы репетируем в морозный день в квартире Нины, из окон сифонит; оба в свитерах, но с гитарами. Постоянно согреваемся чаем с лимоном, закусываем сухарями. Время для нас — еще нищенское. Когда пришел, Нина предупредила:

— У меня — только сухари, папа еще не привез картошку.

Я достал купленный по дороге лимон. Она обрадованно произнесла очередной афоризм:

— О, спасибо! Лимона надо употреблять много, тогда жизнь покажется сладкой...

Нина была повыше меня ростом, но когда надевала туфли на шпильке, мне становилось вовсе не комфортно. Я просил каблук отменить. Носила в кармане гитарного футляра туфли-лодочки, переобувалась. При ее появлении я с тревогой смотрел на футляр — не забыла ли?

— Не забыла, не забыла! — успокаивала с улыбкой, надевала лодочки. — Поплыли на сцену!

* * *

Я еще плыву по жизни, никогда не забывая мою концертную половинку, надеясь, что где-то там за облаками мы встретимся:

И может, вечности внимая,
когда-нибудь в счастливый час
в краю неведомого рая
я этот запою романс.
А вы откликнетесь на пенье,
и на скрещенье тех путей
ваш голос зазвучит с волнением —
мой главный голос жизни всей.

* * *

Парус Белой ночи вновь поднялся на мачту-шпиль Петропавловки. Я выхожу из Дворца ученых на Дворцовую набережную. Нева по-весеннему празднично-торжественно катит свои воды, приветствуя самодержца Петра в год его юбилея. Петра Первого, сотворившего нашу Россию с видом на Неву.

Я иду по Дворцовой, по Невскому — теми путями, что мы проходили с Ниной; небольшой майский дождик штрихами проходит по петербургскому пейзажу, словно нанесенный пером Нины, и звучит, и сопровождает меня ее подголосок: «Музыка... не перебивай, не перебивай речами...»